

ИСХОДНЫЙ МОМЕНТЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

---

*«А наемникъ бѣжитъ, яко
наемникъ есть и нерадитъ о
овцахъ» (Іоаннъ X, 13).*

*«Бывшимъ братіямъ нашимъ
нынѣ же не вѣдаемъ, какъ и
назвать васъ, понеже въ умъ
нашъ не вмѣщается сотворен-
ная вами, ни слухи наши, ни-
когда же таковыхъ не пріяша,
ни въ лѣтописяхъ видѣхомъ, ка-
ковая невмѣстимое человѣческо-
му уму содѣяшася вами.»*

*(Изъ грамоты
Св. Патріарха Гермогена).*

Русская Церковь, несмотря на многосторонній свой ростъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, обладала въ это время цѣлымъ рядомъ внутреннихъ недостатковъ. Къ числу такихъ недостатковъ прежде всего должна быть отнесена утрата ею каноническаго возглавленія. Петровская реформа уничтожила въ русской Церкви патріаршую власть изъ боязни, что патріархъ можетъ явиться какъ бы «вторымъ государемъ, самодержцу равносильнымъ или больше его». Такимъ образомъ основнымъ руководящимъ мотивомъ церковной реформы Петра Великаго былъ мотивъ политической, невытекавшій изъ потребностей самой церковной организаціи. Петръ Великій не былъ, однако, инициаторомъ внесенія политики въ эту область. Инициатива въ этомъ отношеніи принадлежала Патріарху Никону. Попытка патріарха Никона была еще хорошо памятна во времена Петра Великаго, такъ какъ имѣла мѣсто всего только при его отцѣ. Пат-

ріархъ Никонъ открыто претендовалъ не только на руководящую роль въ государствѣ, но и на первенство церковной власти передъ государевой, называя царскую власть луною, заимствующую свой свѣтъ отъ солнца архіерейской власти. Извѣстно, что эта точка зрѣнія не получила опоры въ церковно-правовомъ сознаніи восточныхъ церквей. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія что патріархъ Никонъ поставилъ этотъ роковой не столько церковный, сколько политическій вопросъ. Ни царь Алексѣй Михайловичъ, ни его ближайшій преемникъ не имѣли возможности разрѣшить этотъ вопросъ въ сторону исключительнаго преобладанія государственной власти надъ церковною. Когда же верховная власть окрѣпла, а носителемъ ея сталъ человекъ, знакомый съ протестантскими взглядами на этотъ вопросъ, онъ и разрубилъ этотъ гордіевъ узелъ внутренней политики, Московскаго государства въ интересахъ государственной власти. Подводя всѣ отрасли государственнаго управленія подъ одинъ коллегіальный фасадъ, Петръ Великій создалъ для управленія церковными дѣлами Духовный Коллегіумъ или Синодъ. Это сразу устраняло вопросъ о самостоятельномъ значеніи церковной власти. Синодъ, съ самаго начала своего существованія, дѣлается учрежденіемъ государственнымъ по дѣламъ духовнымъ и мечтаетъ имѣть въ духовныхъ дѣлахъ такую власть какую Сенатъ имѣлъ въ мірскихъ. Послѣдующее время было свидѣтелемъ того, какъ Синодъ былъ сведенъ на положеніе второстепеннаго учрежденія даже среди государственныхъ установленій Имперіи: Синодъ получалъ указы изъ того же Сената, Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета Министровъ. Такъ. постановка патріархомъ Никономъ политическаго вопроса, чуждаго сознанію большинства русскаго общества, привела къ концѣ концовъ къ умаленію самой духовной власти, даже въ дѣлахъ церковныхъ. Пройдя черезъ цѣлый рядъ измѣненій, Синодъ, въ концѣ концовъ, сталъ на степень учрежденія духовнаго вѣдомства, которое находилось въ завѣдываніи оберъ-прокурора Синода, занявшаго въ государственномъ строѣ положеніе «главноуправляющаго» этимъ вѣдомствомъ. Самъ оберъ-прокуроръ изъ органа государственнаго надзора за Синодомъ превратился въ отвѣтственнаго передъ верховной властью руководителя этого вѣдомства. Являясь, по закону, защитникомъ и хранителемъ догматовъ, блюстителемъ правовѣрія и всякаго порядка въ церкви, государь былъ какъ бы главою церкви. Поэтому законодательная, административная и судебная власть въ церкви принадлежали, по закону, государю. Съ его утвержденія издавались законы, учрежденія и положенія, касавшіеся церкви. Имъ назначались епископы; ему же принадлежалъ и окончательный судъ надъ іерархами. Синодъ, т. е. его присутствіе, не имѣли никакого са-

мостоятельнаго значенія еще и потому, что верховная власть назначала, какъ постоянныхъ членовъ Синода, такъ и вызывала ихъ изъ епархій для временнаго присутствія. Въ это время, опираясь на положеніе оберъ-прокурора въ составъ высшихъ должностныхъ лицъ Имперіи, Синодъ приобрѣлъ огромную принудительную власть не только надъ подчиненными ему учрежденіями и лицами, но и надъ свѣтскими учрежденіями, такъ какъ всѣ рѣшенія Синода приводились въ исполненіе оберъ-прокуроромъ. Благодаря этому сама собою воспитывалась мысль о подчиненіи не церковной власти и ея духовному авторитету, а органу, приводившему въ исполненіе рѣшенія высшаго церковнаго учрежденія. Въ силу продолжительности дѣйствія такого порядка эта мысль укоренилась въ сознаніи русскаго общества. Это обстоятельство не могла не имѣть печальныхъ послѣдствій въ то время, когда за церковной властью не стало уже болѣе вліятельнаго представителя государственной власти. Преодолѣть этотъ коренной дефектъ было дѣломъ не легкимъ для церковнаго общества, особенно въ то время, когда, послѣ революціи, церковно-правовыя основанія власти оберъ-прокурора въ значительной степени ослабли. Необходимо было найти новый источникъ церковной власти. Такимъ источникомъ и сталъ Московскій Помѣстный Соборъ 1917-18 г. г., возстановившій каноническое возглавленіе церкви и создавшій новые органы церковнаго управленія. Возстановивъ патріаршую власть и создавъ Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ, Помѣстный Соборъ вдохнулъ новыя творческія силы въ церковное общество и создалъ не только болѣе соответствующую каноническимъ началамъ церковную власть, но и болѣе приспособленную для даннаго историческаго момента. Въ этомъ безусловно огромное значеніе дѣятельности Собора 1917-18 г. г.

Соборъ между прочимъ вручилъ высшимъ церковнымъ учрежденіямъ, то есть соединенному собранію Священнаго Синода и Высшаго Церковнаго Совѣта не только судебно-административную власть, но и предоставилъ имъ нѣкоторыя законодательныя функціи, хотя бы въ формѣ разрѣшенія вопросовъ, «порожденныхъ неполнотою церковнаго законодательства». *Такимъ образомъ въ случаѣ перерыва дѣятельности Собора или невозможности созыва новаго, неотложныя нужды церкви могли быть разрѣшены совмѣстно высшими церковными установленіями.*

Послѣдующія обстоятельства выдвинули вопросъ о еще большемъ суженіи церковно-правительственнаго круга. И тогда особымъ постановленіемъ высшихъ церковныхъ учреждений въ ноябрѣ 1920 года было предписано мѣстнымъ церковнымъ властямъ: «Въ случаѣ, если Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ по какимъ либо причинамъ прекратятъ свою

церковно-административную дѣятельность, епархіальные архіереи за руководящими по службѣ указаніями и за разрѣшеніемъ дѣль по правиламъ, восходящимъ къ высшему церковному управленію, обращаются непосредственно къ Святѣйшему Патріарху или тому лицу или учрежденію, которое будетъ Святѣйшимъ, Патріархомъ для этого указано». Концентрація власти въ рукахъ Святѣйшаго Патріарха въ переживаемый моментъ церковной жизни оказалась необыкновенно цѣлесообразной, придавши всей организаціи извѣстное единство.

I.

Помѣстный Московскій Соборъ далъ русской церкви каноническое возглавленіе, создалъ скелетъ церковно-правительственнаго аппарата, Наполнить содержаніемъ этотъ остовъ, приспособить его къ потребностямъ церковной жизни, а самую церковную жизнь ввести въ эти формы было дѣломъ не легкимъ, которое требовало продолжительной повседневной работы. На этомъ пути передъ церковной властью стоялъ цѣлый рядъ препятствій: 1) русская церковь въ лицѣ своихъ руководителей не была подготовлена къ самостоятельному существованію или, вѣрнѣе, за два предшествующихъ столѣтія отвыкла отъ всякой самодѣятельности; 2) паденіе власти оберъ-прокурора и умаленіе за два столѣтія авторитета церковной власти способны были питать внутри самой церковной организаціи анархическія стремленія; 3) перерожденіе церковной организаціи и сознанія церковнаго общества совпали съ великими потрясеніями въ сферѣ соціально-политическихъ отношеній, что не могло не отразиться и на самой церкви. Я бы сказалъ что вновь избранному Патріарху и созданнымъ органамъ церковнаго управленія предстояла болѣе сложная и трудная работа чѣмъ самому Помѣстному Собору, создавшему новый строй русской церкви. *Исключительная личность перваго, по возстановленію, Патріарха поставила церковную власть на необыкновенную высоту въ сознаніи церковнаго общества.* Благодаря этому очень скоро произошла замѣна внѣшне-принудительной оберъ-прокурорской власти высшимъ авторитетомъ носителя самой церковной власти.

Русское Общество въ 1918 1919 и 1920 г. г. представляло собою взбаламученное море. Волны этого моря съ разныхъ сторонъ плескали на корабль русской церкви но онъ оказался достаточно сильнымъ, чтобы преодолѣть натискъ разбушевавшейся стихіи, въ значительной степени, благодаря реорганизаціи церковнаго управленія и мудрому руководству со стороны носителя церковной власти. Новыя условія церковной и государ-

ственно-общественной жизни поставили новые задачи перед церковной властью и церковным обществом. Даже иерархи не сразу смогли понять эти новые условия. Клерики возставали на своих архипастырей. Общая расхлябанность достигла в первое время того, что псаломщики в некоторых епархиях потребовали и себя правъ, прежде всего суда равныхъ, т. е. «представителей ихъ сословія». Это вызывало необходимость вмешательства со стороны высшихъ церковныхъ органовъ для поддержанія авторитета иерарховъ на мѣстахъ. Безчисленные конфликты между священно-служителями и прихожанами ставили невѣроятно трудныя задачи для мѣстной церковной власти. Въ этихъ взаимныхъ столкновеніяхъ клира и мірянъ всѣ были виноваты. *Разумная и благожелательная церковная власть и въ этомъ отношеніи преодоляла всѣ трудности и къ 1920 году въ центрѣ и на мѣстахъ въ церковныхъ организаціяхъ водворился порядокъ и даже получилась какая-то внутренняя спайка.*

Церковь за эти годы понесла персонально въ силу общихъ политическихъ условий, тягчайшія жертвы, но церковная организація, какъ таковая, безъ сомнѣнія окрѣпла. Св. Патриархъ Тихонъ въ 1919 году обратился къ церковному обществу съ призывомъ о «невнесеніи политики въ церковь». Церковная власть поняла, что внѣ этого условия безплодными будутъ всѣ организаціонныя усилія, да и само теченіе церковной жизни будетъ находиться подъ постояннымъ ударомъ. Имѣвшія мѣсто до этого политическія выступленія церковныхъ дѣятелей съ этого момента совершенно прекращаются. Это требованіе Патриарха съ замѣчательной послѣдовательностью было выполнено всѣмъ церковнымъ обществомъ. Иерархія и клиръ вообще отошли отъ политики, отдавши всѣ силы церковному служенію, которое въ это время требовало крайняго напряженія. Міряне какъ-то добровольно размежевались безъ всякаго сговора: политики отошли отъ церковно-общественной работы, церковники перестали быть активными въ политикѣ.

Многіе изъ заключенныхъ епископовъ въ 1920 году вернулись въ свои епархіи. Мѣстная церковная жизнь стала устраиваться. Росъ и крѣпъ авторитетъ церковной власти. Созданные Помѣстнымъ Соборомъ органы, какъ центральные, такъ и мѣстные, начали дѣйствовать вполне нормально, и между ними установились взаимоотношенія, предусмотрѣнные послѣднимъ церковнымъ законодательствомъ.

Нельзя не отмѣтить и общерелигіознаго подъема въ массахъ. Храмы наполнялись молящимися, при этомъ среди молящихся не было того преобладанія женскаго пола, которое замѣчалось до революціи. Исповѣдь получила особое значеніе, стала разви-

ваться и эпитимійная практика. При этомъ, сами вѣрующіе требовали этого и, съ замѣчательнымъ послушаніемъ, выполняли все, чему ихъ подвергали ихъ духовные руководители. Исключительные церковные праздники привлекали колоссальное количество народа. Церковная жизнь къ 1920 году возстановилась полностью, а можетъ быть даже превзошла старую, дореволюціонную. Въ всякаго сомнѣнія, что внутренней ростъ церковнаго сознанія вѣрующаго русскаго общества достигъ такой высоты, равной которой не было за послѣднія два столѣтія русской церковной жизни. Церковная власть въ церковномъ обществѣ, которое въ значительной степени она церковно воспитала, встала на недосыгаемую высоту. Если Соборъ 1917-18 г. г. далъ форму и внѣшность новой церковной организациі, то внутреннее содержаніе было создано дружными усиліями Патріарха, высшихъ церковныхъ органовъ, іерарховъ и всего русскаго церковнаго общества.

Небо и въ это время, однако, не было безоблачнымъ, но раскаты грома слышались гдѣ-то вдали и сзади, и казалось, что наступило время въ церковной жизни, когда при единомъ паствѣ создается и единство стада. *Въ концѣ 1921 года ударъ по русской церкви неожиданно былъ нанесенъ съ другой стороны, чѣмъ съ какой его привыкли ожидать.* Поэтому, онъ, на первыхъ, порахъ, вызвалъ извѣстную растерянность, но сомнѣній въ послѣдствіяхъ этого удара не было ни у кого изъ лицъ, стоявшихъ въ то время, хоть сколько нибудь въ курсѣ церковныхъ событій.

II.

Въ 1918-19 г. г. въ Россіи кипѣла жестокая междоусобная война. Страна была раздѣлена фронтами на нѣсколько частей. Въ двухъ изъ нихъ, на югѣ Россіи и въ Сибири, были попытки организовать высшіе, чѣмъ епархіальные, церковные органы для согласованія управленія нѣсколькими епархіями, оказавшимися недосыгаемыми непосредственному управленію Святѣйшаго Патріарха. Сибирское управленіе болѣе или менѣе безболѣзненно прекратило свое существованіе. Временное Церковное Управленіе, возникшее на югѣ Россіи, оказалось трагическимъ въ судьбахъ самой Русской Православной Церкви. Возникло это управленіе въ городѣ Ставрополѣ Кавказскомъ въ маѣ 1919 года. Вначалѣ въ вѣдѣніи этого Управленія оказалось значительное количество епархій. Но къ исходу первой четверти 1920 года въ рукахъ бѣлыхъ остался только Крымскій полуостровъ, который въ іерарическомъ отношеніи былъ подчиненъ мѣстному епархіальному епископу, возглавившему въ силу своего каноническаго

положенія и Крымское Церковное Управление. Въ этомъ случаѣ, организація Крымскаго Управленія совпала съ тѣми указаніями, которыя были даны высшей церковной властью въ ноябрьскомъ указѣ 1920 года. Съ уходомъ бѣлыхъ изъ Крыма члены Управленія, за исключеніемъ мѣстнаго епархіальнаго архіерея, эвакуировались въ Константинополь. Еще въ періодъ дѣятельности Ставропольскаго Управленія, «жизнь понемногу, какъ говоритъ авторъ Записки Подготовительной Комиссіи, вовлекла Управление въ сотрудничество съ русскими людьми, борющимися съ совѣтской властью». Въ виду этого съ сокращеніемъ территоріи, занятой бѣлыми арміями, многія изъ епархіи оказались внѣ сферы вліянія Южнаго Управленія и своихъ епархіальныхъ архіереевъ, покинувшихъ предѣлы своихъ церковныхъ областей. Въ это самое время эти епархіи вошли въ сферу управленія Св. Патріарха, и тогда уже совершенно стало очевиднымъ, какой огромный вредъ былъ нанесенъ этимъ епархіямъ отходомъ ихъ архипастырей, нерѣшившихся раздѣлится общей участи со своими паствами.

Органы высшей церковной власти еще гораздо раньше отхода бѣлыхъ армій предвидѣли весь вредъ вовлеченія церковныхъ учреждений въ политическую борьбу. Мудреца предусмотрительность Св. Патріарха Тихона еще въ 1918 году заставила его самого проводить въ жизнь ту точку зрѣнія, что участіе церкви въ политической борьбѣ вредно для нея. Когда цѣлый рядъ епархій оказался подъ управленіемъ Патріарха, но безъ епископовъ, съ епархіальными органами, находившимися въ совершенно хаотическомъ состояніи, тогда Св. Патріархъ, въ сентябрѣ 1919 года, обратился съ извѣстнымъ посланіемъ, призывая пастырей и паству воздержаться отъ внесенія политики въ Церковь. Пока политическія выступленія представителей церкви наносили ей ущербъ только на мѣстахъ, дѣло оказывалось, хотя и небезопаденнымъ, но все же поправимымъ.

Послѣ эвакуаціи Крыма въ Константинополь оказались четверо епископовъ изъ числа членовъ Ставропольскаго и Крымскаго Церковныхъ Управленій. Двое членовъ Крымскаго Управленія, мірянинъ и клирикъ, не задерживаясь въ Константинополь, прослѣдовали дальше. Четверо епископовъ кооптировали еще одного епископа, и такимъ образомъ создали въ Константинополь Епископскій Синодъ. Вскорѣ, однако, двое изъ епископовъ также покинули Константинополь. Здѣсь же было выработано «Положеніе о Высшемъ Русскомъ Церковномъ Управленіи за границей». Выработанное положеніе было представлено во Вселенскую Патріархію и было ею утверждено съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Высшее Церковное Управление въ Константинополь возникло внѣ зависимости отъ предшество-

вавшихъ ему Церковныхъ Управленій Юга Россіи; по крайней мѣрѣ, никакимъ актомъ эта преемственность не была засвидѣтельствована. *Обстоятельства возникновенія Управленія въ Константинополь заставляютъ считать его вновь возникшимъ и на иныхъ основаніяхъ.* Поэтому утвержденія автора предисловія къ Дѣяніямъ Карловацкаго Собора 1921 года едва ли правильны, что Заграничное Церковное Управление является правопреемникомъ Церковнаго Управленія, возникшаго на Югѣ-Востокѣ Россіи. Не вполнѣ точнымъ, на нашъ взглядъ, является и другое его утвержденіе, что это Управление признано Московскимъ Патріархомъ. Ссылка на патріаршій указъ отъ 8 апрѣля 1921 года № 424 мало доказательна. : означенный указъ Св. Патріарха Тихона касался частнаго вопроса объ утвержденіи Архіепископа Евлогія управляющимъ приходами въ Западной Европѣ. Самое постановленіе Церковнаго Управленія объ этомъ состоялось еще тогда, когда Управление находилось въ Россіи. Патріаршій же указъ былъ вызванъ запросомъ Финляндскаго Архіепископа Серафима, сдѣланнымъ имъ по поводу сомнѣній протоіерея о. Якова Смирнова относительно указаннаго назначенія Архіепископа Евлогія. Дѣло въ томъ, что Высшее Церковное Управление Юга Россіи не имѣло никакого отношенія къ русскимъ западно-европейскимъ церквамъ, такъ какъ эти церкви состояли въ каноническомъ подчиненіи Петроградскому Митрополиту, который и самъ не имѣлъ никакого отношенія къ Высшему Церковному Управленію Юга Россіи, и не передалъ ему власти надъ этими церквами. Поэтому, совершенно естественны были сомнѣнія о. протоіерея Смирнова. Повидимому, эти сомнѣнія раздѣляли тогда и архіепископъ Серафимъ, который рѣшился обратиться по этому поводу къ Св. Патріарху. Во избѣжаніе возможной церковной смуты или замѣшательства, а также въ виду затруднительности для Петроградскаго Митрополита управлять этими церквами при создавшихся условіяхъ, высшіе всероссійскіе церковные органы согласились на такую мѣру, какъ временную. Такимъ образомъ Митрополитъ Евлогій, тогда еще Архіепископъ, получилъ въ управленіе эти церкви отъ всероссійской церковной власти, хотя самый вопросъ о подчиненіи ему этихъ церквей былъ поставленъ Церковнымъ Управленіемъ Юга Россіи. Все это показываетъ, что, какъ преемственность Заграничнаго Церковнаго Управленія отъ Церковныхъ Управленій Юга, такъ и признаніе его со стороны Св. Патріарха Тихона являются далеко не безусловными. По крайней мѣрѣ, Св. Патріархъ, въ своемъ посланіи 1923 года, открыто заявилъ, что Заграничное Церковное Управление возникло помимо него, лишь съ благословенія Константинопольскаго Патріарха.

Недостаточность церковно-правовыхъ полномочій и сомни-

тельность преемственности его отъ Церковныхъ Управленій Юга Россіи на первыхъ же порахъ заставили церковныхъ дѣятелей въ Константинополь обратиться за поддержкой во Вселенскую Патріархію. Мѣстоблюститель Патріаршаго Константинопольскаго Престола 2-го декабря 1920 года отвѣтил на имя Митрополита Антонія: «что въ цѣляхъ управленія множества и въ цѣляхъ болѣе дѣйствительнаго предохраненія и укрѣпленія ихъ, Ваше Высокопреосвященство и прочіе архіереи составили бы подъ высшимъ покровительствомъ Патріархіи Временное Церковное Управление, обязанное наблюдать и руководить церковной жизнью, какъ находящихся за границей въ неправославныхъ странахъ русскихъ общинъ, такъ и русскихъ воиновъ и бѣженцевъ, пребывающихъ въ странахъ православныхъ». При этомъ самое Положеніе о Церковномъ Управленіи было признано Патріархіей съ ограниченіями. Ограниченіе это состояло въ томъ, что церковно-судебные вопросы были изъяты изъ вѣдѣнія Заграничнаго Церковнаго Управленія и сохранены за Патріархіей. Итакъ, Константинопольская Патріархія дала согласіе на дѣятельность не существующему органу, а еноѣ возникшему, а въ выработанномъ статутѣ сдѣлала измѣненія. Отсюда ясно, что Патріархія смотрѣла на возникшее въ Константинополь Церковное Управление, какъ на зависимое отъ нея учрежденіе, что и выражено въ словахъ: «подъ высшимъ покровительствомъ Патріархіи». Каконически эта точка зрѣнія Патріархіи опиралась на извѣстное пониманіе ея правила 28 IV Вселенскаго Собора, якобы предоставляющаго Константинопольскому Вселенскому Патріарху юрисдикцію надъ православными во всѣхъ варварскихъ странахъ. Русскіе епископы, обратившіеся съ такимъ ходатайствомъ къ Константинопольской Патріархіи и признавшіе соответствующій актъ ея, естественно, какъ бы соглашались съ ея пониманіемъ указаннаго канона. Однако, съ этимъ пониманіемъ дѣла не могла согласиться всероссійская церковная власть, зоторая въ теченіе столѣтія уже имѣла свои учрежденія въ Зап. Европѣ, Америкѣ и Азіи. Въ началѣ 1921 года Всероссійская Церковная власть заявила себя компетентной въ дѣлахъ русскихъ общинъ за границей и издала указъ, которымъ предписывалось «считать православныя русскія церкви въ Зап. Европѣ находящимися въ управленіи Архіепископа Евлогія», и въ послѣдующемъ продолжала считать Архіепископа Евлогія и русскія западно-европейскія церкви находящимися въ подчиненіи Русскому Патріаршему Престолу, а не Константинопольскому. Впрочемъ, вскорѣ отошло отъ первоначальной точки зрѣнія и Заграничное Церковное Управление, а, именно съ того момента, когда перебралось изъ Константинополя въ Сербію. Во всякомъ случаѣ вначалѣ оно искало какого-то учредительнаго акта отъ

Вселенской Патріархіи, и получило его. Стѣснительной зависимостью отъ Константинопольской Патріархіи, повидимому, и объясняются поиски новаго мѣста для пребыванія Заграничнаго Церковнаго Управленія. *Итакъ, отправнымъ пунктомъ, дѣятельности Заграничнаго Церковнаго Управленія слѣдуетъ считать актъ Константинопольской Патріархіи отъ 2 декабря 1920 года, а не преемственность его отъ церковныхъ управленій Юга Россіи*, которая, съ правовой точки зрѣнія, вызываетъ большія сомнѣнія. Признаніе Заграничнаго Церковнаго Управленія со стороны Св.Патріарха Тихона было весьма условнымъ. Послѣдующія событія показали, что Карловацкіе дѣятели готовы зачислять въ свой активъ рѣшительно все, что въ какой либо степени можно истолковать въ смыслѣ признанія Заграничнаго Церковнаго Управленія. Когда же послѣдовалъ опредѣленный указъ о закрытіи этого Управленія, тогда къ прямымъ вѣдѣніямъ церковной власти они оказались недостаточно воспримчивыми.

Независимо отъ вопроса о преемственности власти, сорганизовавшееся Церковное Управленіе могла получить если не правовое, то большое практическое значеніе, основываясь не столько на формальномъ, сколько на моральномъ моментѣ. Западная Европа была наводнена бѣженцами изъ Россіи, православными по вѣрѣ, и нуждавшимися въ духовномъ руководствѣ. Первые шаги этого Управленія, какъ будто, даже давали надежду, что оно сумѣетъ сдѣлать нѣчто для удовлетворенія духовныхъ нуждъ бѣженства. Этимъ было бы оправдано и самое существованіе Управленія. Подъ вліяніемъ обращенія со стороны вѣрующихъ создается цѣлый планъ объединенія, урегулированія и оживленія церковной дѣятельности. Для предварительной разработки этихъ вопросовъ организуются двѣ комиссіи: Подготовительная и Просвѣтительная. Первая должна заняться болѣе общими вопросами, касающимися созыва Общецерковнаго Собранія, а вторая — вопросами, относящимися къ области церковнаго просвѣщенія. Было рѣшено собрать сначала мѣстныя церковныя собранія въ Константинополь и другихъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ организовать уже общецерковное собраніе. Всѣ эти собранія должны состоять изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ. Начало было положено правильное, но въ это церковное русло скоро вторгнулись иныя тенденціи, и источникъ церковной работы замутился, и вмѣсто чистаго, принялъ видъ грязнаго, взбаламученнаго безотвѣтственнымъ политиканствомъ. Мѣстомъ дѣятельности Общецерковнаго Собранія сталъ городъ Сремскіе Карловцы въ Сербіи, а не Константинополь. Поэтому, авторы «Записки Подготовительной Комиссіи» замѣчаютъ «инъ есть сѣяй, а инъ есть жняй». *Нужно сказать что тѣ иные, которые приступили къ жатвѣ, уже въ постоянное въ Константинополь*

устыли и сами нѣчто встѣять, и потому пожали, кажется, въ большомъ изобиліи плевелы.

Мы уже говорили, что, оставаясь въ Константинополѣ, Заграничное Церковное Управление можетъ быть не совсѣмъ добровольно находилось во власти Вселенской Патріархіи. Переѣхавъ въ Сербію, оно приобрѣло большую самостоятельность, такъ какъ уже не искало отъ мѣстной церковной власти никакого учредительнаго акта, испросивъ лишь благословеніе на пребываніе въ Сербіи и продолженіе дѣятельности уже существующаго учрежденія. *Это, въ значительной степени развязывало руки дѣятелямъ Заграничнаго Церковнаго Управленія.,*

Общецерковное Заграничное Собраніе было открыто въ городѣ Сремски Кралевцы 20 ноября (н. ст.) 1921 года Митрополитомъ Антоніемъ, какъ предсѣдателемъ Заграничнаго Церковнаго Управленія. Онъ же предсѣдательствовалъ и на самомъ Церковномъ Собраніи.

Однимъ изъ основныхъ вопросовъ, касающихся всякаго собранія, является вопросъ о его составѣ. Въ этомъ отношеніи прежде всего нужно отмѣтить отсутствіе единаго принципа пополненія этого собранія. Здѣсь мы встрѣчаемъ лицъ, участвовавшихъ «по положенію», «по выбору», основанному также на разныхъ принципахъ, и просто «по приглашенію». Члены Собранія независимо отъ способа проникновенія въ Собраніе имѣли право рѣшающаго голоса. *Это обстоятельство существенно ослабляло значеніе рѣшеній, принятыхъ большинствомъ голосовъ такого собранія, гдѣ выборъ и подборъ имѣли почти одинаковое значеніе при формированіи его.*

Изъ 14 почетныхъ членовъ собранія, приглашенныхъ Заграничнымъ Церковнымъ Управленіемъ, прибыло только 5 членовъ; въ числѣ неприбывшихъ былъ и самъ Сербскій Патріархъ; изъ числа прибывшихъ трое были сербы: предсѣдатель комиссіи по устройству бѣженцевъ, градоначальникъ города Сремски Карловцы и Протопресвитеръ мѣстнаго Кафедральнаго собора и трое русскихъ; въ томъ числѣ: бывшій русскій посланникъ въ Сербіи, В. Н. Штрандманъ, и правительственный уполномоченный по дѣламъ бѣженцевъ въ Сербіи С. Н. Палеологъ. *Такимъ образомъ, прибыли представители бѣженскихъ учреждений, а изъ мѣстныхъ сербскихъ властей:— градоначальникъ и протопресвитеръ.*

По положенію членами собранія являлись и члены Заграничнаго Церковнаго Управленія. Изъ 6 членовъ его прибыло на собраніе четверо: всѣ въ епископскомъ санѣ. Почему то право присутствія, «по положенію» было предоставлено и секретарямъ Церковнаго Управленія, изъ которыхъ явился одинъ — г. Е. И. Махараблидзе. Очевидно, секретаріатъ Заграничнаго Церков-

наго Управленія, въ представленіи церковныхъ дѣятелей, замѣнилъ собою синодальную оберъ-прокуратуру стараго времени. Прибыли также и трое управляющихъ русскими общинами въ разныхъ странахъ: всѣ въ епископскомъ санѣ. Изъ шести остальныхъ епископовъ-бѣженцевъ прибыло четверо. Изъ 18 членовъ Всероссійскаго Помѣстнаго Собора, нахоившихся за границей, явилось всего 9 человекъ: изъ нихъ 2 въ священномъ санѣ и 7 мірянъ. *Такимъ образомъ, группа «по положенію» была представлена а) епископами — 11 чел., б) пресвитерами — 2 чел., в) мірянами — 8 чел.; а всего 21 человекъ.*

Затѣмъ слѣдуетъ группа выборныхъ членовъ собранія: изъ Константинопольскаго округа: — 1 священникъ и 3 мірянъ; двое выборныхъ не прибыли; изъ Болгаріи прибыли: 3 мірянъ и 1 выборный не прибылъ; изъ Греціи прибыли 3: 1 священникъ и два мірянина; изъ Сербіи—5 мірянъ, а изъ Германіи—2 священника и 3 мірянина; изъ Чехословакіи: 1 священникъ и 1 мірянинъ; изъ Франціи — 2 священника и 3 мірянина; изъ Испаніи — 1 мірянинъ, изъ Англіи — 1 священникъ, изъ Италіи — 1 священникъ и 1 мірянинъ; изъ Швейцаріи — 1 священникъ и 2 мірянина; отъ военныхъ церквей и штаба арміи: 7 священниковъ и 7 мірянъ; *итого, по выбору, членовъ Собранія было: — священниковъ 17, а мірянъ 28, всего 45 человекъ.*

Слѣдующую группу «по приглашенію» составили 28 человекъ, изъ нихъ: священниковъ 3 и мірянъ 25 человекъ. Кроме того монашествующее духовенство было представлено однимъ архимандритомъ. Сверхъ того приняли участіе въ Церковномъ Собраніи по приглашенію 2 сербскихъ епископа.

Такимъ образомъ, составила значительная группа лицъ, участвовавшихъ на собраніи по приглашенію: почти 30 проц. Столь значительное число приглашенныхъ, якобы могущихъ быть полезными для Собранія, однако не связанныхъ съ церковными общинами, было факторомъ, угрожающимъ строго церковному теченію дѣлъ на Собраніи. Само собою разумѣется, что, при скудости въ силахъ, мѣстныхъ церковныхъ общины нуждались въ знающихъ представителяхъ, и, конечно, использовали всѣ наличныя и полезныя силы въ смыслѣ представительства. Выборные члены собранія составляли едва 45 проц. общаго числа членовъ. *На собраніе явились только бѣженскіе представители изъ странъ Зап. Европы. Поэтому, все Собраніе носило бѣженскій характеръ, по составу своего представительства.*

Организація церковнаго управленія, созданная Карловацкимъ собраніемъ, оказалась нежизнеспособной: полностью никогда не была осуществлена, и отмерла, отчасти по велѣнію высшей всероссійской церковной власти, не просуществовавъ и одного года. Независимо отъ этого роспуска, органы Загранич-

наго Церковнаго Управленія были совершенно неприспособлены къ условіямъ бѣженской дѣйствительности. Въ періодъ Ставропольскаго Церковнаго Управленія, объединившаго значительное число епархій, церковные органы были болѣе простыми по своему составу, чѣмъ Заграничное Церковное Управленіе. Въ такихъ громоздкихъ учрежденіяхъ не было и нужды, а матеріально они совершенно не были по силамъ бѣженскимъ церковнымъ общинамъ которыя прислали своихъ представителей на организаціонное собраніе. Нежизненность, а отсюда и недѣйственность и жизненная незначимость всей положительной работы этого собранія была очевидна сама по себѣ. Нужно сказать, что немного требовалось и усилій, чтобы создать этотъ осколокъ съ Высшаго Всероссийскаго Церковнаго Управленія. И все это дѣлалось якобы въ соотвѣтствіи съ постановленіями Всероссийскаго Помѣстнаго Собора, которымъ, конечно, не были предусмотрены подобнаго рода учрежденія. Ясно, что это было простымъ подражаніемъ, а не исполненіемъ соборныхъ постановленій. Дѣйствительныя потребности сосредоточившагося въ Зап. Европѣ бѣженства вполне могли быть удовлетворены церковной организаціей, соотвѣтствующей епархіальнымъ организаціямъ. Наличие въ бѣженствѣ значительнаго числа епископовъ не могла сама по себѣ служить основаніемъ для организаціи соотвѣтствующаго числа церковныхъ управленій, подобныхъ епархіальнымъ. Это было просто невозможно. Средній путь, который выбрало Заграничное Церковное Управленіе, организовавъ какихъ-то пять округовъ для управленія бѣженскими общинами въ Сербіи, Греціи, Константинополѣ, Болгаріи и, наконецъ, въ другихъ странахъ Западной Европы, было рѣшеніемъ половинчатымъ, такъ какъ не устраивало всѣхъ епископовъ-бѣженцевъ, а церковныя возможности и потребности бѣженства значительно превышало. Если до войны всѣми русскими западно-европейскими церквами, въ томъ числѣ и балканскими, управлялъ одинъ викарій, или даже просто Петроградская епархія, то даже при наплывѣ бѣженцевъ вполне достаточно было создать одно управленіе вродѣ епархіальнаго. Епископы, незанявшіе церковно-правительственнаго положенія, легко могли быть устроены въ отдѣльныхъ приходахъ. Нѣсколько епископскихъ округовъ были нужны только для того, чтобы оправдать существованіе самого Заграничнаго Церковнаго Управленія. Въ многосложности органовъ церковнаго управленія, созданныхъ Карловацкимъ Собраніемъ, и заключался недостатокъ его организаціонной работы. *Въ лучшемъ случаѣ всѣ эти учрежденія были лишены дѣйствительно повседневной работы и фактически церковно распыляли само бѣженство.* Этого распыленія не могло предотвратить Заграничное Церковное Управленіе:

дѣйствительность же была еще болѣе суровой, чѣмъ можно было это ожидать. Зачатки этой печальной дѣйствительности уже заключались въ дѣятельности самого Карловацкаго Собранія.

При самомъ открытіи собранія оказалась довольно компактная группа, которая рѣшила испробовать свои силы на одномъ частномъ случаѣ. Въ качествѣ дѣйствительнаго члена, какъ членъ Всероссійскаго Церковнаго Собора, на собраніе прибылъ М. В. Родзянко. На первомъ же засѣданіи 22 ноября, открытомъ Митрополитомъ Антоніемъ, послѣ пѣнія молитвы «Днесъ Благодать Святаго Духа насъ собра», тотчасъ за всякаго рода привѣтствіями и оглашеніемъ списка членовъ собранія, А. Ф. Треповъ сдѣлалъ возраженіе противъ внесенія въ списокъ членовъ Церковнаго Собранія М. В. Родзянко. На это ничего другого не нашелся отвѣтить предсѣдатель собранія, какъ указать, что это заявленіе несвоевременно, предполагая, очевидно, что принципиально оно возможно. Въ засѣданіи 23 ноября, т. е. на слѣдующій день, предсѣдатель огласилъ заявленіе М. В. Родзянко, что онъ «въ виду нарастающаго недовольства среди членовъ Церковнаго Собранія его присутствіемъ среди нихъ, изъ глубокаго уваженія къ Владыкѣ предсѣдателю и святости Церковнаго собранія, отказывается отъ присутствія въ Церковномъ Собраніи и выбываетъ изъ числа членовъ его». Еп. Веніаминъ, повидимому, возбужденный этимъ фактомъ, заявилъ, что онъ желаетъ сдѣлать сообщеніе въ связи съ заявленіемъ М. В. Родзянко. Тотчасъ поднялся графъ Апраксинъ и заявилъ, что въ такомъ глущаѣ и онъ оставляетъ за собою право слова. Ясно, что это все могло закончиться на самыхъ же первыхъ порахъ дѣятельности Собранія скандаломъ. Также нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нарастающее возбужденіе среди членовъ группы Трепова и гр. Апраксина исходило не изъ церковныхъ настроеній, а политическихъ тенденцій, которыя стали такимъ образомъ движущей силой Собранія съ перваго момента его открытія. М. В. Родзянко былъ выбранъ въ члены Помѣстнаго Собора послѣ революціи и участвовалъ въ его дѣятельности. Послѣ этого политически М. В. Родзянко нигдѣ не выступалъ. Маневръ былъ необходимъ для пробы, а М. В. Родзянко сталъ лишь жертвой этого маневра. Нужно признать что маневръ удался при попустительствѣ предсѣдательствовавшаго, ненашедшаго въ себѣ достаточно силы для огражденія достоинства самаго Собранія. *Тактически группа выиграла, но морально, и Собраніе и группа сильно проиграли отъ этого инцидента* и уже, конечно, не «Благодать Святаго Духа» подвинула группа на подобное выступленіе. Но это было только пробой.

Настоящее моральное насиліе надъ членами собранія было произведено въ одномъ изъ Отдѣловъ и на общемъ засѣданіи

30 ноября, когда собраніе окончательно было увлечено на путь политиканства. Этотъ путь, всегда недопустимый для церковнаго собранія, при данныхъ условіяхъ, когда большинство церковнаго общества и сама церковная власть не только не присутствовала на этомъ собраніи, но даже не знали о немъ, ставился преступнымъ. Незначительное и при томъ безответственное меньшинство рѣшилось принять политическую резолюцію, которая не могла пройти безболѣзненно, какъ для всероссійской церковной власти, такъ и вообще для всей Церкви въ Россіи.

Прежде чѣмъ перейти къ существу этого вопроса, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Мнѣ кажется умѣстнымъ сейчасъ вспомнить, какъ сами инициаторы Церковнаго Собранія представляли себѣ задачу его. Въ указѣ Заграничнаго Церковнаго Управленія на имя Серастопольскаго епископа, Веніамина, совершенно опредѣленно говорится, что Собраніе это созывается для «объединенія, урегулированія и оживленія церковной дѣятельности». Авторы записки Подготовительной Комиссіи видятъ задачи момента въ созданіи церковной организациі для бѣженцевъ, Правда, ихъ творческій порывъ превосходилъ и тогда уже ихъ, церковно-правовое положеніе, они говорили даже о возможности появленія новыхъ канонѳвъ въ связи съ бѣженствомъ. Основными вопросами, подлежащими рѣшенію Церковнаго Собранія, должны быть, по мнѣнію комиссіи: просѣдательный, благотворительный, заботы о монашествѣ, о строеніи русской души на подобіи того, какъ строится душа русскаго народа на родинѣ, чтобы не отстать отъ остальнаго русскаго церковнаго общества; и все это должно разрѣшить церковное собраніе, по условіямъ реальной дѣйствительности собираемое всего на нѣсколько дней. Нужно ли говорить о безпредѣльности и непосильности этихъ задачъ для работы собранія. «Положеніе о созывѣ Заграничнаго Собранія Россійскихъ церквей» было утверждено Заграничнымъ Церковнымъ Управленіемъ 25 іюля 1921 г., когда оно находилось уже въ Сербіи. Въ этомъ Положеніи цѣли собранія опредѣляются еще въ духѣ Подготовительной Комиссіи. Положеніе опредѣленно подчеркиваетъ, что Собраніе признаетъ надъ собою полную во есѣхъ отношеніяхъ архипастырскую власть Патріарха Московскаго, а въ четвертомъ пунктѣ этого Положенія говорится, что есѣ постановленія Собранія поступаютъ на утвержденіе Патріарха и только въ нужныхъ случаяхъ приводятся въ исполненіе до утвержденія и какъ временная мѣра. Казалось, все обстоитъ благополучно, но это было въ самомъ началѣ работъ Заграничнаго Церковнаго Управленія послѣ его переѣзда въ Карловцы. Чѣмъ ближе ко времени собранія, тѣмъ все болѣе и болѣе появлялись зловѣщіе признаки. Наказъ для Собранія былъ выработанъ значительно позднѣе, и органи-

заторы собранія въ немъ заявили гораздо большія претензіи, чѣмъ то было предусмотрено самимъ Положеніемъ. Въ пунктѣ 7 этого Наказа говорится объ организациі особаго седьмого Отдѣла Собранія, который долженъ заняться вопросомъ о духовномъ, возрожденіи Россіи. (Наказъ утвержденъ Заграничнымъ Церковнымъ Управленіемъ 19 ноября 1921 г.). Авторы записки Подготовительной Комиссіи свидѣтельствовали о разбитіи церковной и вообще духовной жизни въ Россіи на началахъ истинной соборности, а Заграничное Церковное Управленіе въ Карлосцахъ собиралось духовно возродить Россію. Какъ бы ни была тяжела жизнь въ Россіи въ это время, тамъ осталась опдавливающая часть церковнаго общества и подлинная высшая церковная власть. На скорбномъ пути труда и подвига, которымъ жила церковь внутри Россіи, она возрождалась сама темпомъ совершенно недоступнымъ церковно прозябавшему въ это время бѣженству. Царствіе Божіе «нудится», по слову Св. Писанія, и въ Россіи оно дѣйствительно нудилось; и «нужницы» восхитили его въ болѣе степени, чѣмъ бѣженцы. Люди, неиспытавшіе этого скорбнаго пути, не могутъ даже и понять ту очистительную силу, которую имѣетъ страданіе. Духовное возрожденіе нужно для всѣхъ, а въ это время оно въ болѣе степени было нужно для бѣженства. Духовное возрожденіе даже бѣженства не создашь на церковномъ собраніи: для этого нужны внутреннія силы съ повседневнымъ дѣйствіемъ и глубокое духовное устремленіе, которое также не приходитъ со стороны. Если духовное возрожденіе бѣженства не могло быть дѣломъ, доступнымъ для Собранія, то духовное возрожденіе Россіи — задача совершенно утопическая для него. Что можетъ быть болѣе гибельнымъ, если слѣдой повезетъ прозрѣвшаго. Этого въ дѣйствительности и быть не можетъ, но такую нереальную задачу поставило для Собранія Заграничное Церковное Управленіе, и тѣмъ съ очевидностью показало, что время прозрѣнія и для самаго Заграничнаго Церковнаго Управленія еще не наступило. Какъ будто въ общемъ ходѣ событій намѣчалось даже обратное движеніе. *Не желаніе «учиться», а претензіи «учить» отдаляли духовныхъ руководителей бѣженства этого времени отъ ихъ собственнаго возрожденія.* Этимъ учительствомъ и желаніемъ говорить отъ лица Русской Церкви въ Собраніе были брошены сѣмена внутренняго разложенія, но пагубныя слѣдствія такой эволюціи вполнѣ выяснились тогда, когда вмѣстѣ съ этими сѣменами гордыни были обильно посеяны и плевелы политиканства.

Постановка политическаго вопроса на рѣшеніе Общаго Церковнаго Собранія была подсказана не заботой о чьемъ либо духовномъ возрожденіи, а политическимъ настроеніемъ нѣкоторыхъ группъ, захватившихъ въ свое русло Заграничное Церков-

ное Управленіе, уже ко времени изданія Наказа, т. е. къ 9 ноября 1921 года. Въ Еженедѣльникѣ Высшаго Монархическаго Совѣта отъ 23 октября (№ 11) уже читаемъ, что «Церковное (мѣстное) Собраніе въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ, Словенцевъ по докладу Отдѣла по духовному возрожденію Россіи вынесло слѣдующую резолюцію: Усматриваемъ единственные вѣрные пути въ возрожденіи нашей несчастной родины: .... 2) въ непререкаемомъ признаніи авторитета вѣдѣла устройства и направленія государственной жизни перваго сына Св. Православной Церкви, законнаго и наслѣдственнаго Царя, какъ помазанника Божія и носителя верховной власти въ государствѣ». (стр. 5). Такимъ образомъ, мѣстное церковное собраніе въ К.С.Х.С. предрѣшило еще до изданія наказа Общему Церковному Собранію постановку этого вопроса на его обсужденіе. Это же мѣстное собраніе подсказало организацію и особаго отдѣла, «о духовномъ возрожденіи Россіи». Очевидно, что вдохновители собранія въ К.С.Х.С. захватили въ свои руки Заграничное Церковное Управленіе раньше начала работъ общаго Церковнаго Собранія. *Захвативъ Церковное Управленіе, они оказались господами положенія и на Общемъ Церковномъ Собраніи.*

Обратимся теперь къ изложенію того, какъ обсуждался на Церковномъ Собраніи вопросъ о духовномъ возрожденіи Россіи. Для предварительнаго обсужденія этого вопроса былъ созданъ, какъ мы знаемъ, особый отдѣлъ. Предсѣдателемъ этого отдѣла былъ избранъ Архіепископъ Анастасій. Работа отдѣла намъ известна только ихъ тѣхъ рѣчей, которыя были сказаны на общемъ собраніи членами этого отдѣла. На собраніи отъ отдѣла выступали: предсѣдатель — Архіепископъ Анастасій, епископъ Веніаминъ и Марковъ 2-ой. Первый говорилъ объ общемъ положеніи, создавшемся въ отдѣлѣ, послѣдніе были представителями двухъ точекъ зрѣнія, примирить которыя не удалось отдѣлу. Изъ рѣчи Архіепископа Анастасія совершенно ясно, что линія раздѣленія въ отдѣлѣ прошла по вопросу объ умѣстности или неумѣстности принятія резолюціи, въ которой бы заключалась политическая тенденція. Архіепископъ Анастасій это изобразилъ въ видѣ борьбы, которая происходила въ душѣ пастырей, полагавшихъ, что «устройство града земнаго не должно мѣшать устройенію града небеснаго». При этомъ архіепископъ Анастасій свидѣтельствовалъ, что вопросъ о возстановленіи монархіи въ Россіи сразу-же есталъ во всея остротѣ передъ членами отдѣла. Сразу же нѣкоторыхъ, по преимуществу священнослужителей, этотъ вопросъ напугалъ. Имъ казалось, говорить архіепископъ Анастасій, что церковное собраніе совсѣмъ не должно касаться этого предмета. Определенно было заявлено, что церковные соборы на Руси въ прошломъ не касались этихъ воп-

росовъ. Было указано также, что отвѣтственность за подобныя рѣшенія «въ большей или меньшей степени ляжетъ на общаго Святѣйшаго Отца и духовнаго вождя, Патріарха Тихона». Архіепископъ Анастасій отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что многіе изъ возражавшихъ противъ постановки такого вопроса, принципиально были единодушны со сторонниками принятія подобной резолюціи и возражали, лишь боясь поколебать авторитетъ церкви, около которой объединился сейчасъ русскій народъ. Итакъ, точка зрѣнія противниковъ внесенія политическихъ вопросовъ на обсужденіе церковнаго собранія была достаточно опредѣленно сформулирована; однако большинство оказало моральное давленіе на возражавшихъ и добилось внесенія въ той или другой формѣ резолюціи по этому вопросу. Противъ такого моральнаго насилія устоялъ только одинъ изъ членовъ Собранія, — профессоръ А. Н. Яницкій, подавшій мотивированный отказъ отъ дальнѣйшаго участія въ работахъ Собранія. Предсѣдатель Собранія не нашелъ для себя обязательнымъ даже огласить это заявленіе, просто сообщивъ о заявленіи профессора А. Н. Яницкаго, что онъ проситъ не считать его болѣе членомъ Собранія. Остальные члены отдѣла, испытавъ на себѣ всю тяжесть давленія организованнаго большинства, пошли на довольно скользкій путь компромисса, тѣмъ болѣе ненужнаго, что, въ сущестѣ дѣла, ничего реальнаго въ этомъ компромиссѣ и не было. Безупречная позиція невнесенія политическихъ вопросовъ на сужденіе церковнаго собранія была сдана. Предложенный отдѣломъ текстъ обращенія «къ чадамъ, въ разсѣяніи сущимъ», даже съ упоминаніемъ о восстановленіи монархіи, не удовлетворилъ политиканствующее большинство не потому, что онъ былъ недостаточно опредѣленнымъ, а потому, что этому большинству нужно было и въ собраніи поднять авторитетъ своей группы. Проектъ посланія былъ принятъ большинствомъ 58 голосовъ противъ 31. Такимъ образомъ, въ отдѣлѣ принимало участіе 89 человекъ, т.е. весь наличный составъ Собранія. Послѣ обсужденія этого вопроса на общемъ собраніи, расхожденіе обнаружилось еще явственнѣе. Группа въ 34 человека подала особую мотивированную записку и воздержалась отъ голосованія. Въ составъ этой группы, вошли: 6 епископовъ, въ томъ числѣ и сербскій епископъ Максимилианъ, единственный изъ сербовъ, принимавшій участіе въ работахъ Собранія; 14 священниковъ и 14 мірянъ. Послѣ этого посланіе было принято единогласно. Нельзя улустить изъ вида, что компромиссная точка зрѣнія была выдвинута изъ желанія сохранить единство Собранія, и все же расколъ произошелъ, напрасно представители меньшинствъ доказывали, что внесеніе политическихъ вопросовъ вредно для самого Собранія и для русской Церкви въ цѣломъ. Политиканствующая группа, почувствовавъ силу, не нужда-

лась болѣе въ компромиссѣ и настояла на своей точкѣ зрѣнія. Только тогда, довольно гоздно, меньшинство обратилось къ средству, единственно доступному въ подобныхъ условіяхъ. Элементы насилія были совершенно ясны. Рѣшеніе вопроса о возстановленіи монархіи въ Россіи ни въ какой степени не входило въ задачи Собранія, какъ онѣ формулированы въ п. п. 1-3 «Положенія» о самомъ Собраніи. Въ общемъ собраніи этотъ вопросъ проходилъ такъ, что меньшинство (въ 34 голоса), подавъ особое мнѣніе, воздержалось отъ голосованія. Въ поданномъ этой группой заявленіи сказано, что оно воздерживается отъ голосованія въ виду того, что «постановка вопроса о монархіи съ упоминаніемъ при томъ и династіи носить политическій характеръ и обсужденію Собранія не подлежитъ». Предсѣдатель Собранія заявилъ, однако, что онъ считаетъ этотъ вопросъ церковнымъ, такъ какъ онъ моральный. Посланіе было принято 51 голосомъ, въ томъ числѣ за посланіе голосовали: 6 епископовъ, 7 священниковъ и 38 мірянъ. Такимъ образомъ голоса епископовъ раздѣлились пополамъ; изъ священниковъ за посланіе голосовала только одна треть, а двѣ трети воздержались; изъ мірянъ воздержалось 14 человекъ и голосовало за Посланіе 38, въ томъ числѣ 14 человекъ, принимавшихъ участіе въ Собраніи «по приглашенію». Ясно, что посланіе прошло голосами мірянъ. Церковное собраніе раскололось. Настоящее на своемъ большинство руководилось не церковными интересами бѣженства, въ противномъ случаѣ сохраніе единства было дороже эфемерной побѣды въ 17 голосовъ по столь кардинальному вопросу. Въ общемъ собраніи при обсужденіи этого вопроса участвовало всего 85 человекъ, тогда какъ въ отдѣлѣ принимало участіе 89. При этомъ большинство въ общемъ собраніи потеряло 7 голосовъ, а меньшинство приобрѣло 3-4 голоса. Отсюда ясна тенденція сдвига въ пользу аполитичности Церковнаго Собранія, созваннаго для объединенія и урегулированія и оживленія церковной дѣятельности. На самомъ же дѣлѣ это собраніе раздѣлило даже самихъ участниковъ собранія; урегулировать ничего не смогло, такъ какъ въ текущую церковную жизнь ничего не внесло; хотя само собраніе и оживилось, но не церковной работой, а политическими страстями, внесенными опредѣленной группой. Замѣтимъ, между прочимъ, что лица, создавшіе и активно выступавшіе въ инцидентѣ съ г. Родзянко, всѣ голосовали за посланіе. Самое мѣсто посланія, возбуждившее такое страстное къ нему отношеніе, читается слѣдующимъ образомъ: «Да вернетъ (Господь Богъ) на Всероссійскій престолъ Помазанника, сильнаго любовью народа, законнаго православнаго царя изъ Дома Романовыхъ». По словамъ этого же самаго посланія на Руси остался одинъ свѣточъ: Церковь Православная. Это посланіе стало величай-

шимъ испытаніемъ для этого свѣточа и оторвало отъ него часть членовъ, незначительную по сравненію съ массой вѣрныхъ, но все же значительно бѣльшую, чѣмъ всѣ бѣженцы вмѣстѣ. Такимъ образомъ результаты дѣятельности церковнаго собранія, поскольку они выразились въ принятіи этого посланія, были вредными для бѣженской церковной среды, а для Матери-Церкви прямо стали трагическими. Едва ли на протяженіи всей церковной исторіи можно указать другое подобное злополучное явленіе. Чего же собственно достигла политиканствующая группа? *Достиженія ея были конечно не церковными, а политическими, и даже не политическими, а узко партійными.* Опираясь на настроеніе усталыхъ, отчаявшихся въ исходѣ борьбы бѣженскихъ массъ, политиканствующая группа, до сихъ поръ играющая второстепенную роль въ политическихъ и вооруженныхъ столкновеніяхъ, въ моментъ, когда борьба казалась болѣе или менѣе законченной, открыла новый фронтъ противъ софѣтской власти — церковный, и этимъ стремилась привлечь къ себѣ бѣженцевъ. Вновь открытый фронтъ былъ тѣмъ удобенъ для руководителей, что онъ не требовалъ никакихъ жертвъ съ ихъ стороны. Объ русской церкви въ этотъ моментъ менѣе всего думали политиканствующие. Оказалось, къ сожалѣнію, что также мало думали о русской церкви и руководители Собранія изъ числа зарубежныхъ іерарховъ.,

Послѣ этого большинство Собранія стало дѣйствовать, какъ группа, внутри самаго Собранія и привело въ Церковный Совѣтъ всѣхъ членовъ изъ своей среды. Это было занятіемъ политиканствующей группы постоянныхъ позицій въ Заграничномъ Церковномъ Управленіи.

Но этимъ еще не была исчерпана вся политиканствующая сторона дѣятельности Собранія. Церковное собраніе, подталкиваемое тѣми же лицами, незамѣтно, а отчасти и несознательно, шло къ настоящему церковному персвороту. Въ концѣ самыхъ работъ Собранія, на засѣданіи 1 декабря, Митрополитъ Антоній, указавъ «въ краткомъ словѣ на значеніе настоящаго собранія, какъ говорится въ протоколѣ этого засѣданія, — предлагаетъ, согласно данному уже Его Святѣйшествомъ Святѣйшимъ Патриархомъ Сербскимъ Димитріемъ настоящему Церковному Собранію наименованію и въ виду ходатайства многихъ членовъ его, именовать это Собраніе Соборомъ». Предложеніе это было принято единогласно. Я нарочно привелъ эту выписку цѣликомъ, чтобы показать, какъ просто изложенъ, хотя въ довольно запутанной формѣ, происшедшій церковный переворотъ въ протоколѣ самаго собранія. Меньшинство, подавленное большинствомъ, можетъ быть не подозрѣвало, что принятіе такой резолюціи означало церковный переворотъ. Заграничное Церковное Управ-

леніе дало настоящему церковному съѣзду названіе Церковнаго Собранія, желая, очевидно, подчеркнуть его церковную неполноправность, и, во всякомъ случаѣ, неравнозначимость съ Соборомъ, какъ органомъ церковной власти. (см. п. 3. Положенія). Многіе лица, добивавшіеся перемѣны названія, добивались этого не съ цѣлью простаго измѣненія термина, что не имѣло никакого значенія. Наоборотъ, они считали, что наименованіе «Соборомъ» сразу выводитъ это Собраніе на большую дорогу церковной жизни: постановленія же, получившія названіе соборныхъ, пріобрѣтали иное значеніе, или вѣрнѣе ихъ можно было иначе трактовать; самыя же посланія отъ имени Собора звучали болѣе авторитетно, а посланія, какъ мы видѣли, были приняты въ духъ опредѣленной группы, ей или ея политическими устремленіями были продиктованы. *Такимъ образомъ церковный переѣоротъ, совершенный политиканствующей группой, имѣлъ цѣлью возвысить значеніе принятыхъ рѣшеній, а, слѣдовательно, еще больше укрѣпить позицію руководителей Собранія.*

Но и этимъ не были исчерпаны есъ антицерковныя выступленія Карловацкаго Собранія. Собраніе поручило Заграничному Церковному Управленію выработать обращеніе къ Генѣузской конференціи о недопущеніи на эту конференцію представителей совѣтской власти. Обращеніе было выработано и, за подписью митрополита Антонія, отправлено, куда слѣдуетъ. Какъ средство политической борьбы оно было неумѣстнымъ для церкви. «Лучше — говорится, между прочимъ, въ этомъ обращеніи — помогите честнымъ русскимъ гражданамъ. Дайте имъ оружіе въ руки, дайте имъ союзъ добровольцевъ и помогите изгнать большевиковъ». Теперь хорошо извѣстно, что это обращеніе не имѣло никакихъ реальныхъ результатовъ въ дѣлѣ борьбы съ совѣтской властью, но *для Русской Церкви, вмѣстѣ съ посланіемъ, оно сыграло роль молота и наковальни.* Этимъ, можно сказать, исчерпывается дѣятельность Карловацкаго Собранія 1921 года, которое стало не только исходнымъ моментомъ зарубежнаго церковнаго раздѣленія, но и перекинуло церковную смуту во внутрь Россіи.

Исторія, говорятъ, повторяется. Поэтому, вѣроятно, дѣятели Карловацкаго Собранія пытались искать въ нашемъ прошломъ прецедентовъ для оправданія своихъ политическихъ выступленій. Архіепископъ Анастасій прямо указалъ, что «въ насъ заговорили завѣты древнихъ строителей Русской Земли, Святителей Петра и Алексія и преподобнаго Сергія Радонежскаго; передъ нами особенно ярко предсталъ образъ адаманта православія, Святителя Гермогена, и побудилъ насъ именно,

какъ церковный органъ, сказать свое слово о необходимости возстановленія царской власти, въ Россіи (Дѣянія Собора, стр. 121). Полномочный секретарь Карловацкаго Церковнаго Управленія, Е. И. Махараблидзе, также поддержалъ эту историческую справку и писалъ во введеніи къ Дѣяніямъ Собора: «Здѣсь въ этомъ вопросѣ на церковномъ собраніи заговорилъ великій духъ древнихъ святителей и строителей Россійскаго Государства» (Дѣянія Собора стр. 5). Нельзя сказать, чтобъ параллели были скромными, особенно въ томъ случаѣ, когда они дѣлались самими участниками этого Собранія. Теперь, когда результаты дѣятельности Карловацкаго Собранія въ достаточной степени выяснились, можно смѣло сказать, что они были совершенно противоположны тѣмъ, какіе имѣла дѣятельность строителей Русскаго Государства. Да и пути, которыми шли древніе святители и карловацкіе дѣятели, были совершенно различны. Строители Русскаго Государства находились въ средѣ своего народа, дѣлили суровую дѣйствительность своего времени со своей пастею. Они прежде всего занимались внутреннимъ строеніемъ русскаго народа, вызвали къ дѣятельности его созидательныя силы и соебѣмъ не писали крикливыхъ посланій. До насъ дошли посланія Святителей Петра и Алексія; и когда сравнишь эти посланія съ посланіями карловацкими, ясна будетъ огромная разница не только между этими посланіями, но и всѣмъ уклономъ настроенія ихъ авторовъ. Святитель Гермогенъ оставался на своемъ посту до самой мученической кончины, и, если возвышалъ свой голосъ въ дѣлахъ государственныхъ, то онъ къ этому былъ подвигнутъ своимъ положеніемъ въ государствѣ, котораго онъ не покинулъ. А послѣдствія своихъ выступленій не сваливалъ на головы другихъ, самъ принялъ весь ударъ на себя. *Полное несходство общеполитическихъ условій того и нашего времени еще меньше даетъ права въ какой либо степени сравнивать подвиги строителей русской земли и ея великихъ святителей съ карловацкими выступленіями.*

Въ русской исторіи можетъ быть трудно найти другія столь безответственныя выступленія какъ выступленія Церковнаго Собранія въ Карловцахъ. По общему результату ихъ всего скорѣе можно было бы сравнивать съ выступленіемъ Патріарха Никона. Какъ тогда политическія выступленія стали причиной крушенія каноническаго возглавленія Русской Церкви, такъ и теперь карловацкія выступленія подвергли всю церковную организацію величайшимъ испытаніямъ. И въ данномъ случаѣ, однако, параллели не идутъ далѣе этого. Патріархъ Никонъ былъ законнымъ представителемъ Церкви въ ея цѣломъ. Онъ могъ дѣлать вѣрные или ошибочные шаги, но онъ на это имѣлъ право. Карловацкіе іерархи никакого права не имѣли выступить

отъ лица Церкви. Патріархъ Никонъ принялъ ударъ за свои выступленія прежде всего на себя лично; заграничное Церковное Управленіе вызвало удары на чужую голову. Карловацкіе дѣятели, на примѣрѣ патріарха Никона, должны были понять, что *постановка политическихъ вопросовъ отъ лица Церкви есть обоюдоострая вещь*. Если они этого не учли, то тѣмъ большую моральную отвѣтственность они взяли на себя.

Въ церковной средѣ въ Россіи выступленія Карловацкаго Собранія сразу получили совершенно опредѣленную оцѣнку, и притомъ совершенно одинаковую со стороны всѣхъ церковныхъ дѣятелей. Первые неясныя свѣдѣнія о постановленіяхъ Карловацкаго Собранія стали поступать съ самаго начала 1922 года. Св. Патріархъ и высшіе Церковные органы, понимая всю тяжесть отвѣтственности, какую возлагали на церковную организацію эти выступленія, уволили бѣженцевъ-архіереевъ съ ихъ кафедръ, съ тѣмъ, чтобы 1) дать этимъ епархіямъ новыхъ полноправныхъ руководителей, а 2) чтобы лишить карловацкихъ епископовъ и тѣни церковно-правительственной власти, и этимъ побудить ихъ быть осторожнѣе въ будущемъ. Посланія и постановленія Карловацкаго Собранія прежде всего, конечно, стали извѣсны гражданской власти, и уже въ январѣ мѣсяцѣ Св. Патріархъ и нѣкоторые іерархи были допрошены по существу вопросовъ, затронутыхъ въ «посланіи къ чадамъ, въ разсѣяніи сущимъ». Въ мартѣ мѣсяцѣ были получены номера «Новаго Времени», въ которыхъ были напечатаны какъ названное посланіе, такъ и обращеніе къ Генуэзской Конференціи. По поводу этихъ актовъ произошелъ письменный обмѣнъ мнѣній между Св. Патріархомъ и наиболее видными іерархами. Всѣ отзывы преосвященныхъ объ указанныхъ актахъ были совершенно отрицательнаго характера. Въ этотъ же разъ нѣкоторыми владыками былъ поставленъ вопросъ о необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ Заграничнаго Церковнаго Управленія съ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности карловацкихъ іерарховъ. Эти вопросы были поставлены Св. Патріархомъ на рѣшеніе соединеннаго собранія Св. Синода и Высшаго Церковнаго Совѣта. Соединенное собраніе признало, что ни посланіе, ни обращеніе Карловацкаго Собора не выражаютъ голоса Русской Церкви, и вынесло категорическое постановленіе о закрытіи Заграничнаго Церковнаго Управленія, подтвердивъ, что управленіе есѣми заграничными церквями въ Зап. Европѣ поручается Митрополиту Евлогію. Вопросъ о личной отвѣтственности іерарховъ въ судебномъ порядкѣ требовалъ нѣкоторыхъ условій, которыхъ въ этотъ моментъ не было налицо. Поэтому, было рѣшено этотъ вопросъ отложить. О состоявшихся рѣшеніяхъ посланы были указы Митрополитамъ: Евлогію и Антонію.

Карловацкія выступленія 1921 года прадставлялі собою пер-
вый случай присвоенія себѣ групой русскіхъ іерарховъ вышней
церковной власти. Поэтому этотъ моментъ и слѣдуетъ считать
началомъ русской церковной смуты послѣдняго времени. До этого
имѣли мѣсто, какъ мы видѣли, только ничтожная попытка со
стороны лишеннаго сана епископа Владимира Путята и выступ-
ленія «самосвятовъ». Карловацкіе выступленія были противо-
церковны, такъ какъ канонически и карловацкіе іерархи были
обязаны послушаніемъ своему главѣ, Московскому Патріарху.
Объ этомъ опредѣленно было сказано въ постановленіяхъ послѣд-
няго Помѣстнаго Собора. Въ стадіи первоначальныхъ подгото-
вительныхъ работъ это признавалось и самими карловацкими
дѣятелями: въ положеніи о Церковномъ Собраніи опредѣленно
было сказано, что Собраніе во всѣхъ отношеніяхъ признаетъ
надъ собою полную власть Патріарха Московскаго. Самая форма
посланія къ вѣрующимъ, въ какую облекли свои политическія
выступленія карловацкіе дѣятели, предвосхищали права главы
русскіхъ епископовъ, Св. Патріарха, которому одному только
было предоставлено право обращаться съ посланіями къ пастеѣ.
Заявленіе отъ имени церкви объ отношеніи ея къ тѣмъ или инымъ
событіямъ, безъ сомнѣнія, требовало авторитета вышней церков-
ной власти. 34-ое правило Апостольское и 9-ое правило Антіохій-
скаго Собора совершенно ясно говорятъ, что епископы не могутъ
предпринимать ничего важнаго помимо своего митрополита или
патріарха, а сфера дѣятельности епископовъ ограничивается
только предѣлами ихъ собственныхъ епархій. Нужно ли гово-
рить, что вопросы, затронутые Карловацкимъ Собраніемъ 1921
года, касались всей русской Церкви ея цѣломъ и ни въ какой
мѣрѣ не могли почитаться вопросами, связанными съ епархіями.
бѣженскихъ епископовъ, которыхъ они при томъ же и не имѣли.
Отсюда ясно, какую страшную отвѣтственность взяли на себя
епископы, участвовавшіе на Карловацкомъ Собраніи и поддер-
живавшіе его рѣшенія. Авторитетъ единодушнаго выступленія
со стороны епископовъ противъ политическихъ резолюцій былъ
бы вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы удержать все Собраніе
отъ подобнаго рода актовъ. Какъ же могло произойти то, что
заграничные епископы въ значительномъ числѣ пошли противъ
церковныхъ правилъ и допустили рѣшеніе вопросовъ, требовав-
шихъ авторитета Св. Патріарха? Это можетъ быть объяснено
только отсталостью церковнаго сознанія значительнаго числа
зарубежныхъ архіереевъ, до сихъ поръ еще нуждавшихся въ на-
личности церковной власти, способной на внѣшнее принужденіе.
Такой властью, какъ мы видѣли, была въ XIX вѣкѣ, власть
оберъ-прокурора Синода. Съ уничтоженіемъ этой власти психика
іерарховъ возвратилась къ положенію XVIII столѣтія, когда даже

церковныя установленія не слушались Св. Синода. Послѣдующій ростъ авторитета церковной власти, въ лицѣ Св. Патріарха Тихона, епископовъ-бѣженцевъ, утратившихъ общеніе съ патріархомъ еще въ 1918 году, не затронула. *Ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отсталостью церковнаго сознанія.* Поэтому къ дѣятелямъ этого Собранія, и прежде всего, конечно, къ іерархамъ приложимы слова посланія Св. Патріарха Гермогена, направленныя имъ къ «бывшимъ братіямъ», для которыхъ этотъ великій святитель не находилъ уже другого болѣе подходящаго названія, потому что, какъ онъ писалъ: «въ умъ нашъ не вмѣщается сдѣланное вами, и слухъ нашъ никогда ничего подобнаго не воспринималъ, и въ лѣтописяхъ не встрѣчали подобнаго тому, что невмѣстимое для человѣческаго ума совершено вами».

И. Стратоновъ.

Берлинъ. 10 мая 1928 г.
